

E. BLAIR LEIGHTON 1911

ВВЕДЕНИЕ

Столетняя война — традиционное название длительного военно-политического конфликта между Английским и Французским королевствами в XIV—XV вв. В определенном смысле слова эту войну придумали историки в XIX в., вводя в оборот само выражение и определив ее хронологические рамки, которые на шестнадцать лет больше века. Однако люди, жившие в Европе между 1337 и 1453 гг., вовсе не подозревали, что живут в эпоху Столетней войны. Несколько поколений европейцев, прежде всего в Англии и Франции, знали, что они очевидцы глубокой и давней вражды между двумя королевскими домами: французскими Капетингами и английскими Плантагенетами (в книге они представлены в образе двух геральдических знаков — английского леопарда и французской лилии). Время от времени англо-французские противоречия выливались в кровавые вооруженные столкновения и даже грандиозные для своего времени битвы, такие, как, например, сражение при Креси (1346), Пуатье (1356), Азенкуре (1415), Форминьи (1450).

Истоки англо-французского противостояния находились очень далеко от событий Столетней войны. Они едва ли отложились в исторической памяти современников. На взгляд историка, англо-французское противо-

стояние, вызванное единым комплексом разнородных причин, охватывает не менее трехсот лет (XII—XV вв.). Оно выражается не только в сражениях, но и в драматическом переплетении семейных династических раздоров, сложной и тонкой дипломатической игре, противоборстве личных и государственных интересов.

В 1985 г. в издательстве «Высшая школа» вышла моя книга «Столетняя война 1337—1453 гг.». Это было первое исследование Столетней войны на русском языке. В 2002 г. была опубликована книга «Столетняя война: леопард против лилии». Она отличалась от первой прежде всего тем, что в ней история англо-французского противостояния была представлена начиная с XII в. Данная книга представляет собой второе, дополненное издание моей книги 2002 г.

Фактическая сторона излагаемых и анализируемых событий воспроизведена на основе многочисленных источников: более тридцати средневековых хроник, многочисленных дипломатических документов, переписки королей и др. В процессе работы над книгой я стремилась по возможности воссоздать портреты основных участников событий. Это прежде всего короли Англии и Франции, среди которых такие яркие фигуры, как Генрих II Плантагенет, Ричард I Львиное Сердце, Эдуард III, Филипп II Август, Карл V Мудрый, Карл VII.

Немало страниц в книге посвящено и женским образам. Среди них одна из самых замечательных женщин западноевропейского Средневековья Алиенора Аквитанская, стоявшая у истоков этой драмы и побывавшая королевой и Франции, и Англии. В развязке многовекового англо-французского противостояния выдающуюся роль сыграла Жанна д'Арк, самая популярная женская фигура западноевропейского Средневековья.

Широкая панорама событий затянувшегося на долгие годы англо-французского конфликта касается не только этих стран — она отражает многие важные явления в жизни Западной Европы в эпоху высокого Средневековья и начала его заката.

Знаменитый австрийский культуролог Й. Хейзинга назвал XIV–XV вв. в истории Западной Европы «осенью Средневековья». Это определение, на мой взгляд, весьма точно передает существо исторического контекста, в котором происходили события Столетней войны, оно отражает состояние цивилизации, миновавшей пик своего развития. Именно таким временем были XIV–XV века для большей части западноевропейских государств.

Как и в естественной природной среде, явления «осени» в социальной и духовной жизни общества бывают глубоко скрыты под внешней оболочкой фактов и явлений, принадлежащих уходящему этапу истории. Сохраняя внешне образ Средневековья, цивилизация перерождается внутренне, несет в себе симптомы зарождения эпохи, которую историки называют ранним Новым временем.

Военный конфликт в любой исторической эпохе высвечивает накопившиеся в обществе внутренние противоречия, обостряет их. Так называемая Столетняя война между английским и французским королевствами была в действительности серией военно-политических конфликтов, истоки которых находились в реалиях классического Средневековья. Однако военно-политические аспекты конфликта между Англией и Францией наложили стойкий отпечаток на жизнь двух враждующих королевств и Западной Европы в целом.

Конфликт, зародившийся на классической для Средневековья династической основе, перерос в ходе войны в межгосударственный и фактически привел

к новому подходу к территориальным спорам. На смену традиционному вассально-ленному решению вопроса о границах владений пришло территориально-административное распределение спорных земель. Известные мирные договоры эпохи Столетней войны отчетливо отразили эту принципиальную перемену в характере международных отношений.

Одним из важнейших симптомов заката любой цивилизации является кризис ее элиты. Столетняя война отчетливо отразила ослабление ведущей социально-политической роли рыцарского сословия. Прежде всего это выразилось в кризисе военной системы эпохи Средневековья. Все крупнейшие победы английского войска были благодаря приоритету пешего строя перед традиционной рыцарской конницей. Спешенные рыцари Эдуарда III обеспечивали четкие действия английских лучников, набранных преимущественно из числа свободных крестьян. В обороне, а затем и освобождении Нормандии все более заметную роль играли французские горожане. Великий французский полководец Бертран Дюгеклен одерживал победы по преимуществу за счет применения практически партизанской тактики ведения войны и опоры на поддержку населения городов.

Одним из проявлений «осени Средневековья» был очевидный кризис кодекса рыцарской чести. Фактически рухнули многие казавшиеся незыблемыми «законы войны», которые долго и строго соблюдались в средневековом обществе. Свидетельствами этого кризиса были многие представленные в источниках факты: нежелание французов отпускать за выкуп пленных рыцарей, служивших английской власти; приказ английского короля Генриха V убить пленных французских рыцарей во время сражения при Азенкуре и др.

Важнейшей высвеченной Столетней войной переменной в жизни позднесредневекового общества Западной Европы было рождение основ национального самосознания как во Франции, так и в Англии. По мере обострения англо-французского конфликта крепла самоидентификация населения враждующих королевств. Не будет ошибкой сказать, что именно на почве событий второй половины XIV — первой половины XV в. французы вполне осознали себя французами, а англичане — англичанами.

Широко известный патриотический порыв различных слоев французского общества под знаменем Жанны д'Арк — классический, но далеко не единственный факт, подтверждающий эту важную перемену в общественном сознании эпохи «осени Средневековья». Краткая, кажущаяся невероятной биография Жанны продемонстрировала новые приоритеты эпохи: победу любви к родине (любви, не лишенной типично средневековой формы, преданности королю) над династическими правами (даже такими убедительными, как у английского короля Эдуарда III) и вассальными обязательствами (например, по Гаскони). В этом смысле выразительны многие представленные в книге эпизоды англо-французского конфликта, например: отказ жителей осажденного французского города Мо подчиниться приказу самого французского короля Карла VI и сдаться на милость английского короля Генриха V, или готовность жителей Седана «скорее умереть, чем стать англичанами».

Отмеченные явления не исчерпывают круг высвеченных Столетней войной симптомов «осени Средневековья» в Западной Европе. Они лишь позволяют увидеть эту эпоху еще в одном из бесчисленных ракурсов, доступных глазу историка.

Н.И. Басовская

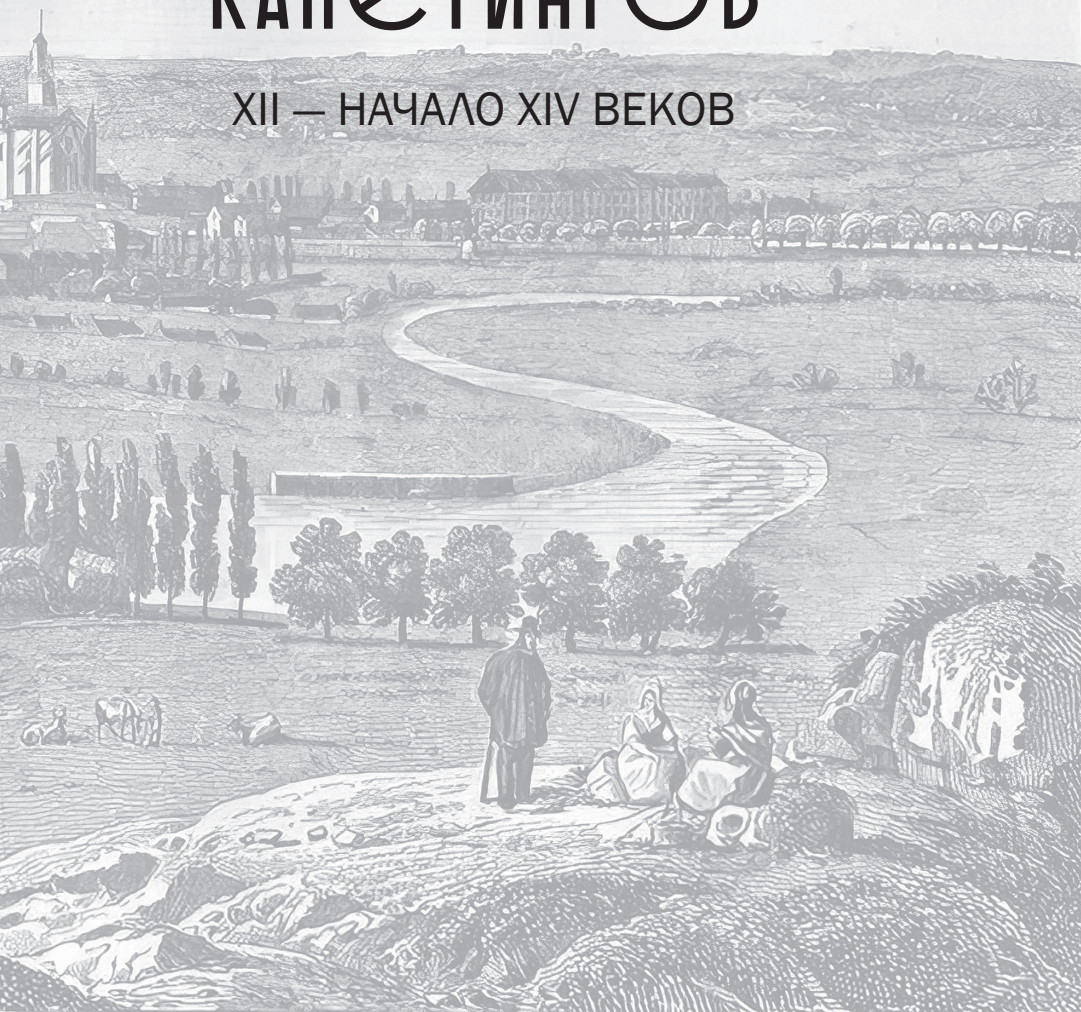
ЧАСТЬ I

ПЛАНТАГЕНЕТЫ ПРОТИВ КАПЕТИНГОВ

XII — НАЧАЛО XIV ВЕКОВ

Отправной точкой причудливого переплетения исторических судеб Франции и Англии стало событие середины XI в. — завоевание англосаксонского королевства северофранцузским феодалом герцогом Нормандским Вильгельмом.

Королевство Франция стало оформляться в относительно обособившееся государство к концу X в. Внутри него еще не было политического и территориального единства, хотя во главе уже стоял король из первой французской династии Капетингов. Наиболее крупные феодалы — герцоги и графы — вели себя по отношению к ранним Капетингам весьма независимо. Понятие государственной границы совершенно отсутствовало, и право сильного зачастую решало самые серьезные политические вопросы. Именно на нем было основано дерзкое и, по существу, авантюрное предприятие герцога Нормандского Вильгельма Завоевателя, который в 1066 г. высадился на южноанглийском побережье в сопровождении сравнительно небольшого войска и удивительно легко одержал победу над ополчением разрозненных и более отсталых англосаксонских королевств. Вильгельм Завоеватель стал королем Англии, сохранив, естественно, под своей властью герцог-

ство Нормандия в Северной Франции. Это событие положило начало растянувшимся на несколько столетий попыткам Нормандской династии английских королей и их преемников создать и удержать под своей властью некое политическое образование, простиравшееся на Британские острова и территорию Франции.

В политической реальности второй половины XI — середины XII в. вопрос объединения континентальных и островных владений действительно был стержнем взаимоотношений французских Капетингов и английских королей из Нормандской династии. Однако это была не просто проблема принесения оммажа* королем — борьба вокруг континентальных владений английской короны с первых шагов отражала в юридической, а затем и в военно-политической форме столкновение внутренних процессов централизации и универсализации феодального государства. Выдвинутое в самом начале XII в. королем Франции Людовиком VI Толстым (1108–1137) требование принесения клятвы верности его вассалами (включая королей Англии — герцогов Нормандских) невозможно не связать с первыми целенаправленными усилиями королевской власти по объединению французских земель под эгидой короны. Английский король выступал на континенте в роли одного из многочисленных крупных феодалов — основных соперников королевской власти в борьбе за укрепление своих позиций. Оппозиция английских королей была особенно опасной, так как она опиралась на авторитет короны и ресурсы за пределами Франции. Любопытно, что юридическое признание английскими королями

---

* Оммаж — церемония оформления вассального договора между вассалом и сеньором.

своего статуса вассалов Капетингов на континенте произошло в середине XII в. при первом представителе новой династии Плантагенетов Генрихе II (1154–1189). Этот заметный средневековый правитель был применительно к Англии безусловным носителем централизаторской тенденции, о чем красноречиво свидетельствуют его известные реформы (судебная, военная и др.). Однако политическая деятельность Генриха II не была однолинейной. С неменьшей энергией он стремился создать под эгидой английской короны обширное королевство универсального типа. Судьба дала ему серьезные основания рассчитывать на успех. Само происхождение Генриха как бы символизировало объединение Британских островов и континентальных владений. Его мать Матильда происходила из Нормандской династии, она была внучкой Вильгельма Завоевателя. Отец Генриха II был французским графом из семьи Анжу. К тому же в 1152 г., еще не будучи английским королем, Генрих женился на Алиеноре Аквитанской (1122–1204), дочери герцога Аквитанского Гильома де Пуатье, которая принесла ему в качестве приданого огромные владения на юго-западе Франции — Аквитанию. Граница этой области (в Англии ее обычно называли Гасконью, во Франции — Аквитанией или Гиенью) начиналась севернее нижнего течения Дордони и доходила на юге до Пиренеев. С запада на восток она простиралась от побережья Бискайского залива до среднего течения Гаронны. Таким образом, под властью английской короны оказалась примерно половина французских земель: вся западная их часть, кроме независимого герцогства на полуострове Бретань.

Тесно и причудливо переплелись судьбы двух королевских домов. Особенно тревожную ноту в этот

семейно-феодалный катаклизм вносило то, что герцогиня Алиенора Аквитанская была не только признанной первой красавицей тогдашней Западной Европы и богатейшей невестой, но и разведенной женой французского короля из дома Капетингов Людовика VII (1137–1180).

Конечно, вся Европа знала, что инициатором развода был Людовик VII. Как-то совсем просто, по-мужски, а не по-королевски, реагировал он на очевидное легкомыслие Алиеноры, на ее не слишком скрывааемые увлечения молодыми мужчинами, особенно во время Второго крестового похода (1147–1149), который красавица королева явно рассматривала как веселое приключение. Развод в XII в. в католической стране был делом трудным, но оскорбленный муж добился разрешения римского папы на расторжение брака (а значит, на потерю огромных богатых владений на юго-западе, которые принадлежали Алиеноре по наследству и превосходили в несколько раз личные владения французского короля).

Эта знаменитая семейная драма, так сильно повлиявшая на судьбы двух западноевропейских стран, — один из ярких примеров недостаточности социально-экономических и классовых мотивов для понимания событий прошлого. Показательно, что, большой поклонник такого подхода к объяснению истории, Карл Маркс в своих «Хронологических выписках» обозвал Людовика VII ослом. Действительно, тот развелся с Алиенорой, презрев свои знаменитые «классовые интересы». Она, видимо, тоже затаила обиду на бывшего супруга и, хотя была для своей эпохи уже немолодой женщиной (в 1152 г. ей было за тридцать), подарила английскому королю четырех сыновей, один из которых,